

выступило вперед» (13, 446). Правственный склад Версилова не прост, сложен, его отличает искренность и скрытность, доброта и известная жестокость, горячность и рассудочность, расчётливость и непоследовательность. В его нравственный склад входят и черты «человека со складкой».

В «Подростке» есть и еще одна героиня, наделенная аналогичной характеристикой. Аркадий встречается с падчерицей князя Олимпиадой: «Я глядел на нее довольно пристально и ничего особенно не находил: не так высокого роста девица, полная и с чрезвычайно румяными щеками. Лицо, впрочем, довольно приятное, из правящихся материалистам. Может быть выражение доброты, но со складкой. Особенной интеллигентской не могла блистать, но только в высшем смысле, потому что хитрость была видна по глазам» (13, 33).

Так Достоевский, опираясь на принятые в русском языке понятия «склад» и «складка», создает новый образ «человека со складкой». Это словосочетание содержит определение свойственных тому или иному герою нравственных качеств.²

К началу 1875 г. относится размова Достоевского с А. Н. Майковым и П. Н. Страховым, которые были возмущены тем, что писатель отдал роман «Подросток» Н. А. Некрасову в «Отечественные записки» (см. об этом: 29₂, 195). Отметим также, что в феврале писатель усиленно работает над романом, над его второй частью (первая часть была выслана им Некрасову в декабре 1874 г.). 6 февраля 1875 г. Достоевский пишет А. Г. Достоевской: «Он же (Майков. — Г. С.) встретил меня по-видимому радушно, но сейчас же увидел я, что *сильно со складкой*. Вышел и Страхов. Об романе моем ни слова и видимо не желая меня *огорчать*» (там же, 9. В слове «огорчать» — курсив Достоевского). 11 февраля он делится с женой впечатлениями о посещении Страхова: «... я еще вчера вечером его (Майкова. — Г. С.) видел у Страхова. Было очень дружелюбно, но не нравятся они мне оба, а мне не правится и сам Страхов, *они оба со складкой*» (там же, 15—16). На следующий день, 12 февраля, Достоевский сообщил о своем визите (11 февраля) к Майкову: «Майков, Анна Ивановна и все были очень милы, но зато Страхов был почему-то очень со мной *со складкой*. Да и Майков, когда стал расспрашивать о Некрасове, и когда я рассказал комплименты мне Некрасова — сделал грустный вид, а Страхов так совсем холодный. Нет, Аня, это скверный семинарист и больше ничего; он уже раз оставлял меня в жизни, именно с падением „Эпохи“, и прибежал только после успеха „Преступления и наказания“. Майков несравненно лучше, он подсадует, да и опять сблизится...» (там же, 16—17). Майков и Страхов, выражая в какой-то мере Достоевскому свое недовольство им, в полном

² В толковых словарях, а также в картотеке Большого академического словаря в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР зафиксирован этот образ только у Достоевского.

же объеме тащи его в глубоко скрытых частях «складок» своей природы.

Так образ «человека со складкой» постепенно формировался у Достоевского в 1874—1875 гг. в романе «Подросток», а также в письмах, связанных с этим произведением.

Известно, что И. А. Бунину Достоевский был по многом чужд. Но когда в споре о Достоевском кто-то сказал, что он вынужден был писать торопливо, не имея возможности отделять свои произведения, Бунин с этим категорически не согласился: «А я утверждаю, что он иначе и не мог писать, и в свою меру отделял так, что дальше уже нельзя... Вслушайтесь в то, что я говорю: все у него так закончено и отделано, что из этого кружева ни одного завитка не расшлетешь... Иначе он и не мог писать...»³ Рассмотренная нами работа Достоевского над словами «склад», «складка», созданная им в этом процессе нового образа «человека со складкой» подтверждает высказанное Буниным.

А. В. АРХИПОВА

ДОСТОЕВСКИЙ И «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»
В 1876 г.

В XVII томе Полного собрания сочинений Достоевского нами был опубликован замысел незавершенного художественного произведения под названием «В повесть Некрасову» (17, 10—11). Это разрозненные заметки, обнаруженные в разных местах записной тетради 1876—1877 гг. и снабженные пометами: «В повесть Некрасову», «Некрасову». Тогда же в примечаниях было высказано соображение, что «после окончания „Подростка“, в конце 1876—начале 1877 г., Достоевский предполагал написать новую повесть для некрасовских „Отечественных записок“ и таким образом продолжить свое сотрудничество в этом демократическом органе» (17, 440).

Ряд материалов подтверждает эти соображения. В архиве А. Г. Достоевской, в одной из записных тетрадей, которые она вела на протяжении многих лет и в которые вносила, в основном, все, что касалось ее денежных расчетов, связанных с издательской деятельностью и книжной торговлей, вписаны копии двух денежных документов. Один из этих документов — письмо Достоевскому от 12 июня 1876 г. из конторы «Отечественных записок»:

«Милостивый государь Федор Михайлович

Главная контора „Отечественных записок“ по приказанию Николая Алексеевича Некрасова честь имеет препроводить

³ Лит. наследство. М., 1973, т. 84, кн. 2, с. 275 (запись Г. Н. Кузнецовой от 18 декабря 1930 г. в ее «Грасском дневнике»).

впредь Вам деньги тысячу руб. серебром» и в получении денег немедленно уведомить контору.

Примите уверение

в совершенном уважении

Заведующий конторою Гаснер.

12 июня
1876».¹

Письмо это показывает, что сотрудничество Достоевского с «Отечественными записками» продолжалось после напечатания «Подростка» и что Некрасов даже выдал ему аванс под будущую повесть. Относительный неуспех «Подростка», неблагоприятный отзыв М. Е. Салтыкова-Щедрина об этом романе (см.: 17, 345—346 и след.) не остановили Некрасова, который видимо был заинтересован в участии Достоевского в своем журнале. В течение 1876 г. Достоевский думал над повестью для «Отечественных записок». 18 (30) июня 1876 г. он писал из Эмса жене: «Много думаю (с тоской и мукой) об окончании года, о Дневнике и обязательстве Некрасову. Ужасно, ужасно!» (П., III, 229—300). А. С. Долинин, комментировавший письма Достоевского, предположил, что речь идет о деньгах, перебранных за роман «Подросток», так как из письма М. Е. Салтыкова-Щедрина Н. К. Михайловскому² было известно о долге Достоевского в 1000 руб. «Отечественным запискам» (П., III, 366). Это предположение Долинина повторили, но уже не как предположение, а как утверждение, С. В. Белов и В. А. Туниманов в комментарии к тому же письму, в подготовленной ими переписке Ф. М. Достоевского с женой.³ Однако сохранились и другие свидетельства о том, что «Отечественные записки» ждали от Достоевского нового литературного произведения. 29 августа того же 1876 г. А. Н. Плещеев писал Достоевскому:

«Любезный друг Федор Михайлович,

Редакция «Отечественных» записок» поручила мне спросить тебя, может ли она рассчитывать на получение от тебя чего-нибудь, так как ты ей, кажется, обещал; и когда именно ты намерен дать. Пожалуйста, извести. У нас теперь по беллетристике мало матерьялу. — Некрасов на днях уехал в Крым, надолго; но здесь Салтыков, адрес которого сообщаю тебе на случай, если б ты нашел нужным видеть его для каких-либо переговоров. Литейная, дом Красовского (от Невского третий, рядом с домом министра просвещения. Кажется, 62 №).

Твой весь А. Плещеев».⁴

А в конце года, 21 декабря, Достоевскому снова напомнил об обещанной повести М. Е. Салтыков-Щедрин:

¹ ИРЛИ, № 30712, л. 113 об.

² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. М., 1977, т. 20, с. 38.

³ Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. М., 1979, с. 440.

⁴ Литературный архив. М.; Л., 1961, т. 6, с. 267.

«Многоуважаемый Федор Михайлович,

Не можете ли Вы дать для февральской книжки хотя небольшой рассказ. Я бы лично приехал просить Вас об этом, но вспомнил, что в конце месяца Вы не имеете свободного времени.⁵ Если Вы доставите Вашу работу даже к 1-му февраля, то будет еще не поздно. Пожалуйста, не оставьте это письмо без ответа.

Искренне Вам преданный

М. Салтыков».⁶

Настойчивый тон Салтыкова-Щедрина объясняется, разумеется, тем, что Достоевский уже получил денежный аванс. Достоевский тоже был озабочен этим и в течение 1876—1877 гг. пытался работать над произведением для «Отечественных записок». Возможно, что следами этой работы в записной тетради 1876—1877 гг. были не только три маленьких фрагмента, объединенных нами под заглавием «В повесть Некрасову», но и наброски других художественных замыслов этого периода (см.: 17, 8—12). Ни один из них не был осуществлен, ненаписанной осталась и повесть для «Отечественных записок». Взятую в качестве аванса тысячу рублей возвратила в журнал уже после смерти Достоевского вдова писателя. Об этом свидетельствует как упоминавшееся уже письмо Салтыкова-Щедрина Михайловскому от июня 1884 г., так и копия денежной расписки, находящейся в тетради А. Г. Достоевской:

«Тысяча руб., выданная из редакции «Отечественных» записок» 12 июня 1876, в ссуду Ф. М. Достоевскому, ныне мною получены.

11 мая 1884

А. Краевский».⁷

Однако история с долгом Достоевского имела продолжение. Уже после того, как «Отечественные записки» прекратили свое существование, а долг Достоевского был возвращен, в 1886 г. 2 февраля в № 3568 газеты «Новое время» появился фельетон Сергея Атавы (С. Н. Терпигорева) «Умерший писатель». Поводом к написанию фельетона послужила смерть И. С. Аксакова, похороны которого были назначены на 2 февраля. С. Атава

⁵ М. Е. Салтыков имеет в виду ежемесячные выпуски Достоевским «Дневника писателя».

⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. М., 1976, т. 19, кн. 1, с. 36.

⁷ ИРЛИ, № 30712, л. 113 об. — А. А. Краевский считался формальным издателем «Отечественных записок» вплоть до их закрытия в 1884 г. Поэтому А. Г. Достоевская возвратила деньги ему. Салтыков-Щедрин писал Михайловскому, что Краевский украл из кассы «Отечественных записок» 1000 руб. «А украл Краевский 1000 р. следующим образом. Был должеп редакции Достоевский 1000 р. Когда «Отечественные» записки» были закрыты, то вдова Достоевского восчувствовала и деньги возвратила. А Краевский положил их в карман» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч., т. 20, с. 38).

сокрушается о том, что смерть великих людей вызывает массу слухов и сомнительных сведений, которые в огромном количестве публикуют разные «воспоминатели» и «хулители». Центральная же часть фельетона посвящена рассказу о давнишнем эпизоде, свидетелем которого был автор. В редакции одного «богатого и распространенного издания», где сотрудничал тогда он, начинающий литератор, «раза три или четыре в месяц» собирались все сотрудники, и конторщик приносил список должников. И каждый раз «стоящий во главе издания писатель, глава и заправила, громкое литературное имя» читал этот список вслух.

« — И Н. Н. такой-то — 1000 рублей. . . слышали мы все. . . Когда же это кончится? Это черт знает что. Напишите ему. . .

— Да уж писали-с.

— Ну и что ж?

— Просит подождать, заплатит. . .

— Заплатит! . . . Ждите вы его. . . »

И вот неожиданно для всех умирает писатель-должник, и молодой тогда автор вместе с приятелем решил поклониться его праху. Однако они не смогли попасть в «бедную квартиру» покойного, так как и квартира, и лестница, и все прилегающие улицы оказались запружены самым разнообразным народом. Почтателями умершего писателя оказались бедные женщины, старики, даже вищие и проститутки. Многие тут же рыдали на улице. В первый раз почувствовал молодой журналист значение литературы для общества. И обидным контрастом по отношению ко всему увиденному показалось ему состоявшееся в тот же день очередное собрание в редакции журнала, когда имя покойного писателя снова было названо в числе должников.

« — Ну вот. . . „заплатит-с!“ . . . ха, ха. Зачеркните», — сказал он конторщику.

Хотя в фельетоне С. Атавы не названы имена, очевидно, что под «богатым и распространенным изданием» фельетонист подразумевал «Отечественные записки», под «стоящим во главе писателем» — Салтыкова-Щедрина, а под писателем-должником — Достоевского. Это сразу поняла А. Г. Достоевская, которая была задета статьей, несмотря на то, что фельетон «Умерший писатель» проникнут сочувствием и уважением к ее покойному мужу и иронией в адрес Салтыкова-Щедрина. Вдова Достоевского направила письмо в редакцию «Нового времени», которое было опубликовано 5 февраля 1886 г. в № 3571:

«Милостивый» государь». В № 3568 «Нового времени» помещена статья г. Сергея Атавы «Умерший писатель». В этой статье рассказана история одного известного писателя, взявшего в редакции одного журнала 1000 руб., не платившего своего долга, несмотря на частые напоминания, и умершего, не заплатив должных денег. По всем признакам ясно, что тут говорится о моем покойном муже Федоре Михайловиче Достоевском и о редакции «Отечественных записок». Далас А. Г. Достоевская сообщила: «Когда окончилось печатание „Подростка“, Н. А. Не-

красов просил Федора Михайловича о дальнейшем сотрудничестве и Федор Михайлович обещал написать небольшую повесть, в 3—4 печатных листа, причем получил от 12-го июня 1876 г. тысячу рублей». После смерти Некрасова Салтыков напомнил Достоевскому о повести, и тот обещал ее написать, указала Анна Григорьевна. «Пикаких напоминаний или требований о возврате 1000 руб. деньгами, а не повестью Федор Михайлович от редакции не получал, — подчеркивала она, — а если бы получил, то непременно уплатил бы тотчас же, как бы это ни было ему трудно, он постоянно думал, что у него найдутся, между его большими работами, два-три свободных месяца, и он напишет повесть для „Отечественных записок“. К несчастью, ему не пришлось исполнить своего намерения». И наконец, вдова писателя сообщила, что возвратила долг своего мужа, связавшись через В. П. Гасевского с редакцией «Отечественных записок», о чем имеет расписку А. А. Краевского от 11 мая 1884 г.

Приведенные материалы, во-первых, полностью подтверждают тот факт, что Достоевский собирался сотрудничать с «Отечественными записками» после опубликования там «Подростка», а во-вторых, указывают на некоторые детали в истории и характере взаимоотношений Достоевского как с Некрасовым, так и с Салтыковым-Щедриным.

Б. Н. ЛЮБИМОВ

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОДНОМ ИСТОЧНИКЕ «БРАТЬЕВ КАРАМАЗОВЫХ»

В журнале «Русская литература» была опубликована содержательная заметка В. Н. Криволапова «Об одном источнике „Братьев Карамазовых“». ¹ Автор верно указал на книгу «Жизнеописание оптинского старца Леонида (в схиме Льва)» (Изд. Козельской Введенской-Оптиной пустыни. М., 1876), названную в свое время Л. П. Гроссманом в числе книг из библиотеки Достоевского, ² как на источник некоторых сюжетных и идейных мотивов «Братьев Карамазовых». Наблюдения В. Н. Криволапова можно было бы дополнить. В главе «Старцы» (часть первая, книга первая, глава V) повествователь, сожалея, что чувствует себя «не довольно компетентным и твердым» в вопросе о «старчестве», излагает суть дела «малыми словами и в поверхностном изложении»: «. . . старцы и старчество появились у нас, по нашим русским монастырям, весьма давно, недавно, даже нет и ста лет, тогда как на всем православном Востоке, особенно на Синае и на Афоне, существуют далеко уже за тысячу лет. Утверждают, что существовало старчество и у нас на Руси во времена древнейшие или непременно должно было существовать, но вследствие бед-

¹ Рус. лит., 1985, № 2, с. 177—179.

² Гроссман Л. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919, с. 454.